

Р. Л. Стивенсон

Необычайная история доктора Джекила и мистера Хайда

Рассказ об одной двери

Адвокат Аттерсон был человек с резкими чертами лица, никогда не освещавшимися улыбкой; в разговоре был сух, неловок и скуп на слова; в выражении своих чувств — робок. Тощий, длинный, небрежно одетый и мрачный, он все же чей-то располагал к себе. На дружеских обедах, особенно если вино приходилось ему по вкусу, в его взгляде светилась какая-то удивительная человечность. Она никогда не пробивалась в его речах; зато еще чаще и явственней, чем в таких послеобеденных приметах, она сказывалась в его поступках.

Он сам держался строгих правил: обедая в одиночку, пил джин, стараясь подавить свое пристрастие к хорошим винам, и, хотя очень любил театр, лет двадцать не переступал порога ни одной театральной залы. Зато к ближним своим он проявлял полную терпимость: подчас дивился, чуть ли не завидовал напряженности душевных сил, которая сопутствовала их прегрешениям, а когда дело доходило до крайности, склонен был скорее

помочь, чем укорять. «Я впадаю в Каинову ересь, — говаривал он шутливо, — и предоставляю брату моему отправиться к черту своим собственным путем». Поэтому он часто оказывался последним из числа порядочных знакомых в жизни многих людей, идущих ко дну, и последним, кто умел благотворно повлиять на них. И пока они к нему ходили, он никогда и ни в чем не менял с ними своего обращения.

Правда, такое геройское поведение обходилось мистеру Аттерсону недорого, потому что он был вообще человек сдержанный и у него даже связи с друзьями основывались на его добродушной покладистости. Непритязательному человеку всегда свойственно принимать свой дружеский круг в готовом виде из рук случая, — такого обычая придерживался и адвокат. Приятели у него были либо кровные родственники, либо старинные знакомые. Его привязанность обычно росла с годами, как плющ, и не зависела от качеств объекта. Несомненно, отсюда повелась и дружба, связывавшая его с мистером Ричардом Энфилдом — дальним родственником адвоката и лицом в Лондоне хорошо известным. Многие терялись в догадках, что эти двое находят друг в друге и что между ними может быть общего. Встречавшие их по воскресеньям на прогулке рассказывали, что оба шли молча, вид имели на редкость скучный и

появление любого доброго знакомого приветствовали с явным облегчением. При всем том они очень дорожили этими прогулками и считали их главным событием недели. Оба не только отказывались ради такой прогулки от подвернувшихся развлечений, но откладывали в сторону дела, лишь бы не пропускать ее.

Случилось им как-то брести по одной боковой улице в деловом квартале Лондона. Улица была узкая и, как говорится, тихая, но по будням тут шла шумная торговля. Жители здесь, видно, были люди состоятельные и наперебой старались стать еще состоятельней, а излишки своих прибылей тратили на то, чтобы приукраситься. Поэтому витрины лавок тут выглядели привлекательно, словно лица улыбающихся продавщиц. Даже в воскресенье, когда самые пышные прелести здесь прикрывались и движение почти прекращалось, эта улица по сравнению с закоптелыми соседними переулками сияла точно костер в лесу, а своими свежескрашенными ставнями, отлично начищенными медными дверными ручками и всем своим на редкость опрятным и веселым видом сразу же привлекала и радовала взоры прохожих.

За два дома от угла по левой стороне, если идти в восточном направлении, тротуар прерывался въездом во двор, и сразу же за ним боковой стеной выдвигалось какое-то мрачное здание. В нем было

два этажа, оба без окон. Только дверь в нижнем, а над нею слепой лоб вылинявшей степы. Все здесь говорило о давнем и глубоком запустении. Дверь была без колокольчика, без молотка и вся покрыта буграми и пятнами; бродяги заворачивали сюда и чиркали спичками о филенки; школьники, видно, пробовали на косяках свои ножики; дети играли в «лавку» на ступеньках, и много лет никто не появлялся, чтобы прогнать этих случайных гостей и починить то, что они напортили.

Мистер Энфилд и адвокат шли по другой стороне, но, когда они поравнялись с этим входом, мистер Энфилд указал на него тростью.

— Замечали ли вы когда-нибудь эту дверь? — спросил он. И когда его приятель ответил утвердительно, добавил: — В моей памяти с ней связана одна очень странная история?

— В самом деле? — отозвался мистер Аттерсон, и голос его слегка изменился. — Что же это за история?

— Вот как это было, — сказал мистер Энфилд. — Раз мне случилось быть в одном месте чуть не на краю света, и я возвращался домой темной зимней ночью часа в три. Путь мой проходил через такую часть города, где глазу буквально не на чем остановиться, кроме фонарей. Улица за улицей, а все кругом спят; улица за улицей, и все освещено, словно для процессии, а

пусто, как в церкви. Наконец, я дошел до такого состояния, когда все прислушиваешься и прислушиваешься и начинаешь мечтать хоть о полисмене. Вдруг я заметил две фигуры: маленького человечка, который быстрым шагом шел в восточном направлении, и девочку лет восьми — десяти, бежавшую изо всех сил по поперечной улице. И вот, сэр, эти двое само собой столкнулись на углу. Тогда-то произошло самое отвратительное во всей этой истории. Человек преспокойно наступил на ребенка и пошел дальше, а девочка в слезах осталась лежать на земле. Слушать об этом, вероятно, не так ужасно, но смотреть было омерзительно. Словно он был не человек, а какой-нибудь окаянный Джагернаут¹. Увидев это, я заорал, бросился вперед, ухватил джентльмена за ворот и привел назад, где вокруг плачущей девочки уже собрались какие-то люди. Он был совершенно невозмутим и не сопротивлялся, только кинул на меня такой злобный взгляд, что меня в пот ударило. Сбежавшиеся люди оказались родственниками

---

¹ *Джагернаут* — идол, которого во время религиозных празднеств в Индии возили по улицам, причем фанатики-верующие бросались на дорогу и гибли под колесами тяжелой повозки.

девочки, и вскоре появился доктор, — за ним-то ее и посылали. Ну, ребенку ничего не случилось; по словам лекаря, девочка только испугалась, и тут бы и делу конец, как вы, наверное, думаете. Но примешалось одно странное обстоятельство. Я с первого взгляда почувствовал отвращение к этому джентльмену. Вся семья девочки — тоже, что было вполне естественно. Но кто меня поразил, так это доктор — обыкновенный лекарь, сухой, как трава для припарок, неопределенного возраста и цвета, с заметным эдинбургским акцентом и бесчувственный, как шотландская волынка. Так вот, сэр, с ним было то же, что со всеми нами. Я видел, как при каждом взгляде на моего пленника лекарь весь зеленел от желания пришибить его. Я понял мысли доктора, а он мои, но так как убивать нынче не полагается, мы сделали, что было в наших силах. Мы заявили этому человеку, что можем учинить и обязательно учиним по этому поводу такой скандал, что его гнусное имя прогремит во всех концах Лондона, если же у него есть какие-нибудь друзья или если он пользуется хоть каким-нибудь уважением, мы позаботимся, чтобы он потерял и то и другое. Выкладывая все это, мы в то же время старались загородить его от женщин, потому что те бесновались, словно гарпии². Я

---

² *Гарпии* — в греческой мифологии злобные

никогда не видел столько разъяренных лиц зараз. А этот человек стоял посередине, усмехаясь злобно и хладнокровно, и хотя очень трусил, — я, сэр, это отлично видел, — но держался надменно, как сам сатана.

«Раз вы решили нажиться на этом несчастном случае, я тут поделаться ничего не могу, — говорит он. — Джентльмен всегда постарается избежать неприятностей. Сколько вам нужно?»

Тут мы потребовали сто фунтов в пользу родных девочки. Ему, разумеется, хотелось бы отвертеться, но у многих из нас был такой угрожающий вид, что он под конец сдался. Надо было получить с него деньги. И можете себе представить, куда он привел нас? Вот сюда, к этой самой двери. Он вынул ключ из кармана, вошел в дом и вскоре вынес наличными десять фунтов золотом, а на остальное — чек банка Кутс на предъявителя, подписанный именем, которое я не могу назвать, хотя оно весьма важно для этой истории. Во всяком случае, это имя хорошо известно и часто упоминается в печати. Цифра была изрядная, но имя годилось бы и для суммы покрупнее, если только подпись была подлинная.

прожорливые чудища с женским лицом и телом хищной птицы.

Я взял на себя смелость указать нашему джентльмену, что все это выглядит маловероятно, что в действительности так не бывает: нельзя войти в четыре часа утра в какую-то заднюю дверь и выйти из нее с чеком другого человека почти на сто фунтов. Но он ничуть не смутился и усмехался по-прежнему. «Успокойтесь, — говорит, — я дождусь с вами открытия банка и сам получу деньги по чеку». И вот мы — доктор, отец ребенка, наш приятель и я — отправились ко мне и остаток ночи просидели у меня в квартире. Наутро мы позавтракали и все вместе пошли в банк. Я сам предъявил чек и сказал, что, мол, имею все основания сомневаться в его подлинности. Ничуть не бывало, чек не был подделан.

— Да неужели! — сказал мистер Аттерсон.

— Я вижу, у вас на уме то же, что и у меня, — сказал мистер Энфилд. — Да, тут дело нечисто. Кто бы стал водиться с таким субъектом? Он был настоящий мерзавец, а тот, кто подписал чек, — сама благопристойность, даже знаменитость, и — что еще важнее — один из людей, которые, как говорится, творят добро. Шантаж, наверное. Порядочный человек вынужден расплачиваться за глупость юных лет. «Дом шантажа», — я так и называю теперь этот дом с дверью. Хотя, пожалуй,

и это далеко не окончательное объяснение, — добавил он и впал в задумчивость.

Его вывел из нее довольно неожиданный вопрос мистера Аттерсона:

— А вы не знаете, живет ли здесь владелец чека?

— Подходящее место, не правда ли? — отозвался мистер Энфилд. — Но я случайно заметил его адрес: он живет у какого-то сквера.

— И вы никогда никого не расспрашивали об этом доме с дверью? — осведомился мистер Аттерсон.

— Нет, сэр, — получил он в ответ. — Я деликатен. У меня определенный взгляд на расспросы: это слишком отзывается судебным разбирательством. Вы задаете вопрос, а это все равно, что дать толчка камню. Вы стоите себе на верхушке холма, а он катится под гору и сшибает по дороге другие. Глядь, какого-нибудь парня, мирно сидевшего у себя в садике и о котором вы вовсе не думали, и пристукнуло как следует, и его семье приходится менять фамилию. Нет, сэр, у меня такое правило: чем сомнительней дело, тем меньше я задаю вопросов.

— Очень хорошее правило, — сказал адвокат.

— Но я сам осмотрел это место, — продолжал мистер Энфилд. — Постройка даже не похожа на жилой дом. Другой двери нет, а через эту никто не

ходит, кроме героя моего приключения, да и это случается редко. Во втором этаже есть три окна, выходящие во двор, в нижнем — ни одного; окна всегда закрыты, но чисты. Есть печная труба, которая обычно дымится: значит, кто-то живет же там. Но и то не наверное, потому что дома вокруг двора стоят так тесно, что не скажешь, где кончается один и где начинается другой.

Оба молча шагали несколько времени, затем Аттерсон произнес:

— Энфилд, это у вас хорошее правило.

— Да, я думаю — хорошее, — согласился Энфилд.

— Но все-таки, — продолжал адвокат, — мне хотелось бы спросить об одном: я хочу вас спросить, как звали человека, который наступил на ребенка.

— Пожалуй, от этого беды не будет, — сказал Энфилд. — Имя этого человека — Хайд.

— Ну-ну, — произнес мистер Аттерсон. — А каков он с виду?

— Его нелегко описать. По внешности он какой-то странный. В нем есть что-то неприятное, что-то невыносимо омерзительное. Я никогда не встречал человека, который был бы мне так противен, уж не знаю, почему. Он, должно быть, урод. В нем чувствуется какое-то уродство, но никак не определишь, в чем оно заключается. Этот

человек выглядит необычно, хотя в нем как будто нет ничего особенного. Нет, сэр, не получается... я не могу описать его. Тут виной не моя слабая память. Говорю вам, я его, как сейчас, вижу.

Несколько шагов мистер Аттерсон шел молча, в тягостном раздумье.

— Вы уверены, что у него был ключ? — спросил он наконец.

— Милый мой!.. — начал Энфилд, изумленный свыше меры.

— Да, я понимаю, — сказал Аттерсон, — я понимаю, что такой вопрос должен показаться странным. Видите ли, я не спрашиваю имени другого человека, ибо оно мне известно. Так что, Ричард, ваш рассказ может мне пригодиться. Если вы допустили в нем какую-нибудь неточность, надо сразу исправить ее.

— Знаете, вам следовало бы сказать мне это раньше, — нахмурился, ответил его друг. — Но я рассказывал с педантической, как это у вас называется, точностью. У этого субъекта был ключ, скажу больше: он и сейчас у него. С неделю тому назад я видел, как он им пользовался.

Мистер Аттерсон глубоко вздохнул, но ничего не сказал, и молодой человек заговорил снова.

— Вот опять мне наука — ничего не рассказывать, — сказал он. — Мне стыдно за мой

длинный язык. Давайте условимся никогда больше не вспоминать об этой истории.

— С удовольствием, — ответил адвокат. — Даю вам слово, Ричард.

Поиски мистера Хайда

В тот вечер мистер Аттерсон вернулся на свою холостую квартиру в угрюмом настроении и сел обедать без особого удовольствия. У него была привычка в воскресенье, покончив с обедом, посидеть у камина с каким-нибудь сухим богословским сочинением, разложенным рядом на пюпитре, пока часы соседней церкви не отзвонят двенадцать, а потом степенно и чинно отправиться спать. Сегодня, однако, как только убрали со стола, он взял свечу и пошел в свой рабочий кабинет. Там он открыл сейф, из самого дальнего отделения достал конверт с бумагами, на котором было написано, что это завещание доктора Джекила, уселся и с мрачным видом стал изучать содержимое. Завещание было написано рукой самого завещателя, потому что мистер Аттерсон хоть и хранил его теперь у себя, но участвовать в его составлении отказался наотрез. Завещание не только предусматривало, что в случае смерти Генри Джекила, доктора медицины, доктора прав, доктора канонического права, члена королевского общества

содействия развитию естествознания и т. д., все его имущество переходит в руки его «друга и благодетеля Эдуарда Хайда», но также, что в случае «исчезновения доктора Джекила или его необъяснимого отсутствия в течение более трех календарных месяцев» вышеупомянутый Эдуард Хайд получит наследство вышеупомянутого Генри Джекила без всяких проволочек, не принимая на себя никаких расходов или обязательств, кроме выплаты небольших сумм прислуге доктора. Документ уже давно был бельмом на глазу адвоката. Такое завещание оскорбляло его и как юриста, и как сторонника здоровых и привычных форм жизни, считавшего всякие причуды верхом неприличия. До сих пор он возмущался потому, что не знал, кто такой мистер Хайд, теперь — как раз потому, что знал. Было плохо и то, что имя оставалось только именем и он не мог узнать ничего больше. Но стало еще хуже, когда это имя начало облекаться отвратительными приметами; из смутного, неопределенного тумана, столько времени ставившего его в тупик, вдруг проглянули отчетливые черты злодея.

— Я считал, что это дело безумное, — сказал он, убирая неприятные бумаги в сейф, — а теперь начинаю опасаться, что постыдное.

Он задул свечу, надел пальто и направился на Кавендиш-сквер, эту цитадель медицины, где жил и

принимал в своем доме толпы пациентов знаменитый доктор Лэньон, друг адвоката.

«Кому и знать, как не Лэньону», — думал он.

Важный дворецкий сразу узнал и приветствовал Аттерсона. Его не заставили ждать и прямо от двери проводили в столовую, где доктор Лэньон сидел в одиночестве за стаканом вина. Это был крепкий, здоровый, живой, краснолицый джентльмен с копной преждевременно поседевших волос, шумный и решительный в обращении. При виде мистера Аттерсона он вскочил, протягивая навстречу обе руки. Его радушие, как всегда, выглядело несколько театральным, но оно коренилось в искреннем чувстве. Ведь они были старыми друзьями, учились вместе, сначала в школе, потом в колледже, оба умели уважать себя и друг друга и, что не всегда из этого следует, очень любили бывать вместе.

Они поговорили о том, о сем, а затем адвокат навел разговор на занимавшую его неприятную тему.

— Кажется, Лэньон, — сказал он, — вы и я — самые старые друзья, какие остались у Генри Джекила?

— Хотел бы я, чтобы эти друзья были помоложе, — засмеялся доктор Лэньон, — но, кажется, мы самые старые. А что такое? Теперь я редко встречаюсь с ним.

— Правда? — сказал Аттерсон. — Я думал, вас связывают общие интересы.

— Раньше связывали, — последовал ответ. — Но вот уж лет десять, как Генри Джекил стал для меня слишком фантастичен. Он сбился с толку, просто спятил. И хотя я, разумеется, продолжаю интересоваться им, как говорится, по старой памяти, я теперь вижу с ним ужасно редко. Этаким антинаучный вздор, — прибавил доктор, вдруг багрово краснея, — разлучил бы Дамона и Питиаса!³

Эта маленькая вспышка несколько успокоила мистера Аттерсона. «Они просто разошлись во мнениях по какому-то научному вопросу», — подумал он.

И так как сам он не был человеком научных страстей (кроме тех случаев, когда дело доходило до составления нотариальных актов о передаче имущества.), он даже прибавил про себя: «Только и всего!» Подождав, пока его приятель успокоится, он задал вопрос, ради которого пришел сюда:

— Вам не знаком этот Хайд, которому он покровительствует?

---

³ *Дамон и Питиас* — двое юношей в древних Сиракузах, прославившиеся своей дружбой.

— Хайд? — переспросил Лэньон. — Нет, никогда не слыхивал о таком. В мое время его не было.

Вот и все сведения, с какими адвокат вернулся к себе, к своей просторной и темной постели, на которой и ворочался до самого утра. Ночь не принесла отдыха его сознанию, и мысль его все не переставала работать, блуждая в потемках, и он все не находил ответа на осаждавшие его вопросы.

Колокола церкви, находившейся в удобном соседстве с жилищем мистера Аттерсона, уже отзвонили шесть, а он все мучился над этой загадкой. До сих пор она занимала лишь его ум, но теперь и воображение его было захвачено, даже поработщено ею. Он лежал и ворочался в глубокой ночной темноте, царившей в его занавешенной комнате, а история, рассказанная мистером Энфилдом, проходила перед его мысленным взором как длинный ряд ярких картин. Перед ним возникали уходящие вдаль фонари ночного города; потом фигура быстро идущего прохожего; потом ребенок, который бежал от доктора; потом оба они сталкивались, и этот Джагернаут во образе человека наступал на ребенка и проходил дальше, не обращая внимания на детские крики. Или ему виделась комната в богатом доме, где друг его лежал и спал, и видел сны и улыбался своим снам. Затем дверь комнаты открывалась, раздвигался

полог у кровати, спящего будили, и вот над ним уже стоял некто, имевший власть, и даже в такой поздний час его другу приходилось вставать и выполнять приказ. Всю ночь этот человек так или этак мерещился адвокату. Если Аттерсону подчас и удавалось задремать, ему снова и снова представлялось, как Хайд скрытно и все скрытней и скрытней прокрадывается в спящий дом или все быстрее и быстрее, головокружительно быстро движется по все расходящимся лабиринтам освещенного фонарями города, и на каждом углу сокрушает ребенка, и тот в слезах остается лежать на земле. Но у этого человека не было лица, по которому его можно было бы признать: даже в сновидениях он не имел лица, или оно исчезало, расплывалось на глазах. И в душе адвоката возникло и стало расти и расти сильное, даже чрезмерное стремление увидеть черты настоящего мистера Хайда. Он думал, что, если бы ему удалось хоть раз взглянуть на это лицо, тайна разъяснилась бы, может быть, и вовсе рассеялась бы, как это случается со всем таинственным, когда его хорошенько рассмотришь. Может быть, ему открылась бы причина странного пристрастия Джекила, этой его рабской зависимости (как бы ни называть такие отношения), и даже объяснились бы поразительные условия завещания. Во всяком случае, на такое лицо стоило поглядеть, — лицо

человека, чуждого всякому состраданию, лицо, которому достаточно было появиться, чтобы возбудить в душе далеко не впечатлительного Энфилда прочную ненависть.

С этих пор мистер Аттерсон стал постоянно ходить к той двери на боковой торговой улочке. По утрам до службы, в полдень — когда дела было много, а времени мало, по ночам — под диском смутной лондонской луны, при любом освещении, в любое время, в одинокие ночные часы и в часы дневного оживления он являлся на свой излюбленный пост.

«Если это мистер «Хайд», — думал адвокат, — так я буду мистер «Сик»»⁴

Наконец терпение его было вознаграждено. Стояла сухая ясная ночь. В воздухе было морозно. Улицы были чисты, как пол бальной залы. От фонарей, не колеблемых ни единым порывом ветра, на мостовую ложился правильный узор света и тени. Лавки позакрывались, к десяти часам на улице стало совсем пусто, и было бы совсем тихо, если б не глухой рокот Лондона по соседству. Даже слабые звуки неслись далеко. Разные стуки и

---

⁴ Непереводимая игра слов: по-английски Хайд (Hide) — прятаться, Сик (Seek) — искать; оба слова вместе — hide-and-seek — игра в прятки.

скрипы, долетавшие из домов, ясно слышались по обе стороны мостовой, и звук шагов задолго предшествовал появлению прохожего. Мистер Аттерсон несколько минут пробыл на своем посту, как вдруг услышал приближающуюся, необычно легкую, поступь. За время своих ночных дежурств он давно привык к странному впечатлению, которое производили издали шаги одинокого пешехода, вдруг отчетливо возникавшие из отдаленного гула и дребезжанья большого города. Но ни разу эти звуки не производили на него такого сильного впечатления. И с острым суеверным предчувствием близкого успеха он отодвинулся в глубь ворот.

Шаги быстро приближались, а когда пешеход завернул в конец улицы, они внезапно зазвучали гораздо громче. Поглядывая из ворот, адвокат скоро рассмотрел человека, с которым ему предстояло иметь дело. Он был мал ростом и одет очень обыкновенно, но его внешность, даже на этом расстоянии, почему-то вызвала остро неприятное ощущение в наблюдателе. Торопливо перерезав улицу, прохожий прямо направился к двери, на ходу вынимая ключ, как делает это всякий, подходя к своему дому.

Тут мистер Аттерсон выступил вперед и тронул его за плечо:

— Мистер Хайд, я полагаю?